

Рец. на кн.: Ю.А. САФОНОВА.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ВВЕДЕНИЕ:
Учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та
в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
(Учебники Европейского университета)

Федор Владимирович Николаи

Мининский университет

1 ул. Ульянова, Нижний Новгород, Россия

fvník@list.ru

А н н о т а ц и я: В рецензии на учебное пособие Ю.А. Сафроновой «Историческая память: введение» проблематизируются вектор развития и актуальные задачи исследований памяти. Отмечается ряд противоречий доминирующей в России и Восточной Европе конструктивистской трактовки политики памяти, принципиально отличающейся от этического пафоса западноевропейских *memory studies*. Пособие предполагает «оборонительную» стратегию, подчиняющую «мемориальную парадигму» традициям нейтральной академической экспертизы. Однако такая установка нивелирует ключевую составляющую исследований памяти — пролиферацию практик совместной работы профессиональных историков, представителей других гуманитарных дисциплин и самых разных энтузиастов над общим прошлым. Целью этой работы (точнее, проработки) может быть, с одной стороны, прояснение феноменологии исторического опыта, а с другой — ревизия сложившейся в современной культуре конфигурации отношений приватного и публичного.

К л ю ч е в ы е с л о в а: исследования памяти, публичная история, политика памяти, практики коммеморации.

Д л я с с ы л о к: Николаи Ф. Рец. на кн.: Ю.А. Сафронова. Историческая память: введение: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. (Учебники Европейского университета) // Антропологический форум. 2019. № 43. С. 180–188.

do i: 10.31250/1815-8870-2019-15-43-180-188

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/043/nikolai.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2019, NO. 43

**A Review of JU. A. SAFRONOVA,
ISTORICHESKAYA PAMYAT: VVEDENIE
[HISTORICAL MEMORY: AN INTRODUCTION]:
A Textbook. St Petersburg: European University
at St Petersburg Press, 2019, 220 pp.**

Fyodor Nikolai

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)

1 Ulyanova Str., Nizhny Novgorod, Russia

fvník@list.ru

A b s t r a c t: The review of Julia A. Safronova's textbook *Historical Memory: An Introduction* is devoted to the main trends of contemporary memory studies. Contradictions of the constructivist interpretation of memory politics that dominates in Russia and Eastern Europe are compared with the ethical pathos of Western memory studies. The textbook implies a "defensive" strategy, subordinating the "memory boom" to neutral academic expertise. However, such a frame eliminates the cooperative practices connecting professional historians, social researchers and a wide variety of enthusiasts working-through their common past. The aims of this working-through are, on the one hand, a clarification of the phenomenology of historical experience, and on the other, a revision of relations between private and public spheres in contemporary culture.

Ke y w o r d s: memory studies, public history, politics of memory, practices of commemoration.

To c i t e: Nikolai F., 'A Review of Ju. A. Safronova, *Istoricheskaya pamyat: vvedenie* [Historical Memory: An Introduction]: A Textbook. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2019, 220 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 43, pp. 180–188.

do i: 10.31250/1815-8870-2019-15-43-180-188

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/043/nikolai.pdf>

Рец. на кн.: **Ю.А. Сафронова.** *Историческая память: введение*: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. (Учебники Европейского университета)

В рецензии на учебное пособие Ю.А. Сафроновой «Историческая память: введение» проблематизируются вектор развития и актуальные задачи исследований памяти. Отмечается ряд противоречий доминирующей в России и Восточной Европе конструктивистской трактовки политики памяти, принципиально отличающейся от этического пафоса западноевропейских *memory studies*. Пособие предполагает «оборонительную» стратегию, подчиняющую «мемориальную парадигму» традициям нейтральной академической экспертизы. Однако такая установка нивелирует ключевую составляющую исследований памяти — пролиферацию практик совместной работы профессиональных историков, представителей других гуманитарных дисциплин и самых разных энтузиастов над общим прошлым. Целью этой работы (точнее, проработки) может быть, с одной стороны, прояснение феноменологии исторического опыта, а с другой — ревизия сложившейся в современной культуре конфигурации отношений частного и публичного.

Ключевые слова: исследования памяти, публичная история, политика памяти, практики коммеморации.

Проблематика исторической памяти обсуждается сегодня в разных контекстах и используется для конструирования разного рода коллективных идентичностей [Oushakine 2013; Репина 2016]. Более того, по мнению Я. Ассмана, она претендует на лидерство в современных науках о культуре [Ассман 2004: 12]. Хотя в западной историографии существует довольно много антологий и «ридеров», посвященных *memory studies* [Erl, Nünning 2010; Olick et al. 2011], книга Ю.А. Сафроновой «Историческая память: введение» стала первым в России пособием, рассматривающим это активно развивающееся поле. Она поможет не только студентам, но и всем, кто не очень глубоко знаком с данной проблематикой, составить общее впечатление о ключевых проблемах и тенденциях развития исследований памяти в 1980–2010-е гг.

Пособие прекрасно структурировано. Первые главы посвящены концепциям наиболее известных лидеров *memory studies* — М. Хальбвакса, П. Нора, Б. Андерсона, Я. и А. Ассман. Во второй половине книги

Федор Владимирович Николаи
Мининский университет,
Нижний Новгород, Россия
fvnik@list.ru

рассматриваются самые обсуждаемые в рамках этого поля вопросы: отношения культурной травмы и памяти, ностальгии и забвения, медиа как «протезы памяти», проблемы демаркации публичной истории и политики памяти. Во всех главах акцент делается на ключевые понятия, что вполне логично и абсолютно оправдано — пособие предназначено для студентов и для всех тех, кто хочет представить общую картину современного «мемориального бума». Однако такое внимание к терминологии делает не очень понятным название книги: почему речь идет именно об *исторической памяти* — максимально нейтральном и, как отмечает сама Ю.А. Сафронова, «ни к чему не обязывающем» (С. 21) понятии? О сложных отношениях истории и памяти писали почти все классики рассматриваемого направления, и автор вполне отдает себе в этом отчет. Поэтому название неизбежно вызывает вопросы, в том числе уже сформулированные И.О. Дементьевым в его рецензии на книгу Сафроновой с показательным названием «Что такое историческая память?» [Дементьев 2019]¹. Авторское решение объясняется здесь поиском адекватного перевода английского термина *memory studies*. Однако в рецензируемом издании, как и во всей исследовательской литературе, оно достаточно устойчиво переводится как «исследования памяти» или используется прямо в английской версии. Разумеется, выбор любого из этих вариантов в качестве названия книги был бы не очень продуктивен. А оксюморон «историческая память» получил достаточно широкое распространение в российской историографии и, казалось бы, гораздо лучше подходит на эту роль. Однако без разговора о его недостатках и внутренних противоречиях пособие теряет значительную часть своих эвристических возможностей.

На наш взгляд, как минимум три проблемы, связанные с этим выбором названия, следовало бы оговорить или проблематизировать в тексте. Во-первых, это осознанный акцент на историографии, которая становится центром и моделью дисциплинарного описания для всего поля *memory studies*. Как и культурные или гендерные исследования, *memory studies* возникают на стыке очень разных дисциплин и социальных практик. Ю.А. Сафронова упоминает мнение Д. Олика, который говорит о непарадигматическом и децентрализованном характере исследований памяти (С. 29). Но с ее точки зрения, неопределенность ключевых понятий и отсутствие общей методологии являются симптомами методологического кризиса *memory*

¹ И.О. Дементьев подробно разбирает практически все неточности перевода и редактирования, поэтому мы не будем касаться этих вопросов. Согласимся с автором рецензии в том, что таких неточностей немного, «что сегодня встречается слишком редко в отечественной книгоиздательской практике» [Дементьев 2019: 215].

studies, начавшегося с конца 1990-х гг. и продолжающегося уже 20 лет: «Диагностированный многими исследователями кризис исследований памяти связывают в первую очередь с неопределенностью центрального понятия “память” и отсутствием ясных критериев, позволяющих идентифицировать, что именно можно рассматривать в качестве предмета изучения *memory studies*. <...> Такая неопределенность основного понятия, а также многообразие конкурирующих интерпретаций при отсутствии собственного метода служат одним из главных оснований критики *memory studies*» [Сафронова 2018: 22]. В таком контексте выбор названия представляется попыткой придать этому полю определенную форму или конфигурацию, с одной стороны, не сильно ограничивающую активно идущие внутри него процессы, а с другой — определяющую ключевые тренды его развития. Такая конфигурация неизбежно предполагает определенную дискурсивную политику и дисциплинарную централизацию. «Историческая память» помещает в центр *memory studies* историков с их «отрефлексированным» анализом прошлого, отделяя их от «профанов», реконструкторов и представителей других дисциплин (прежде всего социологии и психологии). Подобная дисциплинарная политика достаточно распространена в отечественных исследованиях памяти [Ростовцев, Сосницкий 2014; Леонтьева 2015]. Она во многом связана с оборонительной позицией академического сообщества по отношению к государственной ультраконсервативной политике памяти, с одной стороны, и к нелиберальным реформам образования — с другой. С этой точки зрения проблематика памяти за рамками академического мира превращается в орудие конфликтов (С. 22).

Возможно, для учебного пособия такая стратегия «нейтральности» или дистанцирования по отношению к разным практикам коммеморации имеет свои плюсы и стимулирует самостоятельную активность студентов. Однако ее сторонники должны отдавать себе отчет, что это все же дисциплинарная политика, причем «оборонительная». Считая (по умолчанию) главными героями *memory studies* П. Нора и Б. Андерсона, она отодвигает на задний план П. Рикера и Д. Уинтера, Р. Лейс и Д. ЛаКапра, а главное — множество практиков, работающих с источниками личного происхождения, включая такие проекты, как «Прожито», «Устная история», «Бессмертный барак», которые вообще не упоминаются в тексте. Как известно, концепция коллективной памяти М. Хальбвакса стала откликом не только на исследования Э. Дюркгейма и А. Бергсона, но и на работы З. Фрейда, а также знаменитый роман М. Пруста. Концепции П. Нора, Б. Андерсона, Я. и А. Ассман 1980-х гг. не стоит отделять от полемики Э. Нольте и Ю. Хабермаса, интеллектуаль-

ного влияния фильма «Шоа» К. Ланцмана, книг Э. Визеля и П. Леви. Аналогичным образом исследования «третьей волны» *memory studies* были неразрывно связаны с полемикой о деконструктивистской архитектуре (например, о здании Еврейского музея в Берлине по проекту Д. Либескинда), с созданием мемориала жертвам терактов 11 сентября 2001 г. и литературой «третьего поколения» — внуков тех, кто пережил Холокост. Стремиться вынести их за скобки историографического анализа вряд ли имеет смысл. Претензии Ш. Фелман [Felman, Laub 1992] к традиционной историографии, во многом редуцирующей экзистенциальный характер свидетельства, важность его публичного характера и многообразие культурных форм памяти, в этом отношении представляются до сих пор справедливыми.

Во-вторых, нейтральность названия связана с конструктивистским подходом, который в целом разделяет автор: «Во всем многообразии социальных и гуманитарных исследований, авторы которых работают с понятием “память”, подразумевая при этом совершенно разные вещи, можно обнаружить нечто общее. Память — это способ конструирования людьми своего прошлого» (С. 15); «(Коллективная) память является социокультурной конструкцией» (С. 33). Разумеется, это конструктивизм в умеренной форме — скорее в духе Б. Андерсона, чем М. Хальбвакса. В том числе поэтому речь идет об *исторической*, а не о *коллективной* памяти. С данной точки зрения *memory studies* занимаются анализом механизмов конструирования коллективных идентичностей. Эта теоретическая установка, действительно, позволяет классифицировать инструменты их создания, но не объясняет, *почему* самые разные люди активно вовлекаются в их работу, участвуют в «войнах памяти», при этом часто игнорируя рациональную критику такого рода конструктов. Конструктивизм отделяет исследования памяти от опыта и аффективной вовлеченности, о чем много пишут Д. ЛаКапра, Э. Ландсберг и другие представители «третьей волны» *memory studies* [Landsberg 2015], однако это остается во многом за рамками рецензируемого пособия. На самом же деле исследования памяти возникли как критическая реакция на постструктурализм и конструктивизм, противопоставляя им интерес к «низовым» практикам коммеморации. Ю.А. Сафронова, конечно, пишет об этом, но в предельно обобщенной форме: «Появление памяти как одного из ключевых концептов нового историзма совпадает со становлением новой культурной истории, ставшей ответом на разнообразные вызовы постмодерна» (С. 23).

Кроме того, такой конструктивистский подход делает акцент на коллективную память, неоправданно противопоставляя ее индивидуальной. Главными акторами / агентами / носителями

памяти оказываются государство и общество, которые подчиняют и формируют рамки личной памяти. «Новые технологии создают совершенно иной уровень доступа к коллективной памяти, а процесс ее создания делают *драматически* демократичным» (С. 182; курсив мой. — Ф.Н.). Активность снизу представляется здесь скорее проблемой и во многом редуцируется к неотрефлексированному воспроизведению готовых клише. А практики коммеморации, связывающие непосредственных участников событий, например «потерянное поколение» Первой мировой войны и их потомков [Winter 2006], отесняются на задний план.

В этом плане показательно, что задания для студентов носят скорее теоретический характер: «сравните два понятия», «в чем сходство и различие этих концепций?» (С. 121), «подумайте о том, как функционируют научные понятия [*lieu de mémoire*. — Ф.Н.]» (С. 100) и т.д. Речь ни разу не заходит о собственной семейной памяти студентов, о тех местах памяти, которые важны для них самих (например, в Санкт-Петербурге). И.О. Дементьев справедливо пишет о минимальном освещении российских сюжетов в пособии [Дементьев 2019: 213]. Действительно, разговор о политике памяти предполагает хотя бы упоминание российского Института национальной памяти¹ или общества «Мемориал». Такой подход делает (чужую) память *объектом* теоретического анализа, а не частью собственных интересов. Разумеется, не стоит бросаться в другую крайность и выступать за легитимацию аффективной вовлеченности историка в прошлое [Landsberg 2015]. Но хотя бы в заключении следовало отметить сложные и противоречивые отношения между историей и памятью, которые сегодня, по выражению П. Хаттона, все чаще сплавляются в «историческую коммеморацию», или «мнемоисторию»: «Исследования коллективной памяти предполагали пассивную рефлексию, [современная] историческая коммеморация призывает к активной вовлеченности в мемориальные проекты» [Hutton 2016: 67].

Без обозначения этого «силового поля» и напряжения смыслов между памятью и историей непонятен этический пафос и претензии на пересмотр рамок приватного / публичного, характерные для западноевропейских и американских *memory studies*. Ведь работы М. Хирш интересны не столько введением понятия «постпамяти», сколько примером очень тонкого и отрефлексированного анализа собственных семейных фотографий и детских воспоминаний исследовательницы, от которого она переходит к крайне осторожным теоретическим обобщениям.

¹ Сайт Института национальной памяти <<http://inmrf.ru/>>.

Концептуальная критика *memory studies* нужна Д. Олику для обозначения перспектив практического движения вперед, а не для конструирования самоценной интеллектуальной традиции. Тогда как рецензируемое пособие вписывается скорее в восточноевропейскую версию *memory studies*, сторонники которой склонны обсуждать в основном государственную политику памяти и выстраивать «оборонительную» дисциплинарную тактику поддержания профессиональных стандартов. Такая политика, безусловна, нужна. Но она может и должна дополняться активным поиском союзников, а главное — практической работой с носителями памяти. *Memory studies* ближе скорее к антропологии, чем к классической историографии: многие исследователи работают с представителями разных социальных групп и стремятся поддержать их локальную память, если она расходится с унифицирующей государственной политикой. В этом смысле прекрасно написанной и емкой книге Ю.А. Сафроновой явно не хватает заключения, где можно было бы подвести итоги, обозначить перспективы развития *memory studies* и определить собственную аналитическую позицию: насколько вообще это направление актуально сегодня? Вписывается ли оно в «ретротопическую» критику неолиберальной модели прогресса, о которой пишет З. Бауман [Bauman 2017], или, наоборот, позволяет вывести *биополитический контроль* на новый, более интернализированный, «мнемонический» уровень, как считает П. Клау [Clough 2018]? Именно в заключении можно было бы обозначить также общие тенденции «третьей волны» исследований памяти, отметить ее отличия от концепций 1980-х гг. и вернуться к понятию «исторической памяти».

Название известной книги Э. Ландсберг “Prosthetic Memory” [Landsberg 2004] Ю.А. Сафронова не очень удачно переводит как «Память на протезе» (С. 180). Эта метафора, на наш взгляд, сегодня вполне характеризует отношения *memory studies* и академической историографии: речь идет не столько о равноправном сотрудничестве, сколько о попытках механического использования — популяризации академических знаний либо легитимации своих частных интересов. Вряд ли такие «протезы» окажутся жизнеспособными в долгосрочной перспективе. Выстраивание более органичных отношений требует пересмотра «оборонительной» дисциплинарной политики. И в этом историкам есть чему поучиться у сторонников *memory studies*, одной из сильных сторон которых представляется как раз интерес к повседневному практикам коммеморации и нежелание сглаживать противоречия.

Библиография

- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Дементьев И.О. Что такое историческая память? Рец.: Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. (сер. «Учебники Европейского университета») // Историческая экспертиза. 2019. № 2 (19). С. 206–218.
- Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 59–96.
- Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15.
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2014. № 2. С. 106–126.
- Сафронова Ю.А. Третья волна *memory studies*: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–27.
- Bauman Z. *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press, 2017. 180 p.
- Clough P.T. *The User Unconscious: On Affect, Media, and Measure*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018. 208 p.
- Erll A., Nünning A. (eds.). *A Companion to Cultural Memory Studies*. B.: De Gruyter, 2010. 440 p.
- Felman S., Laub D. *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*. N.Y.: Routledge, 1992. 315 p.
- Hutton P.H. *The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 234 p.
- Landsberg A. *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. N.Y.: Columbia University Press, 2004. 240 p.
- Landsberg A. *Engaging the Past: Mass Culture and the Production of Historical Knowledge*. N.Y.: Columbia University Press, 2015. 213 p.
- Olick J., Vinitzky-Seroussi V., Levy D. (eds.). *The Collective Memory Reader*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2011. 528 p.
- Oushakine S. Remembering in Public: On the Affective Management to History // *Ab Imperio*. 2013. Vol. 1. P. 269–302.
- Winter J. *Remembering War: The Great War between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven; L.: Yale University Press, 2006. 352 p.

Федор Николаи

A Review of Ju. A. Safronova, *Istoricheskaya pamyat: vvedenie* [Historical Memory: An Introduction]: A Textbook. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2019, 220 pp.

Fyodor Nikolai

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)
1 Ulyanova Str., Nizhny Novgorod, Russia
fvnik@list.ru

The review of Julia A. Safronova's textbook *Historical Memory: An Introduction* is devoted to the main trends of contemporary memory studies. Contradictions of the constructivist interpretation of memory politics that dominates in Russia and Eastern Europe are compared with the ethical pathos of Western memory studies. The textbook implies a "defensive" strategy, subordinating the "memory boom" to neutral academic expertise. However, such a frame eliminates the cooperative practices connecting professional historians, social researchers and a wide variety of enthusiasts working-through their common past. The aims of this working-through are, on the one hand, a clarification of the phenomenology of historical experience, and on the other, a revision of relations between private and public spheres in contemporary culture.

Keywords: memory studies, public history, politics of memory, practices of commemoration.

References

- Assman J., *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München: C. H. Beck, 1992, 344 SS.
- Bauman Z., *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press, 2017, 180 pp.
- Clough P. T., *The User Unconscious: On Affect, Media, and Measure*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018, 208 pp.
- Dementyev I. O., 'Chto takoe istoricheskaya pamyat? [What Is Historical Memory?]' Rev.: Safronova Yu. A. *Istoricheskaya pamyat: vvedenie* [Historical Memory: An Introduction]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2019, 220 p., *Istoricheskaya ekspertiza*, 2019, no. 2 (19), pp. 206–218. (In Russian).
- Erl A., Nünning A. (eds.), *A Companion to Cultural Memory Studies*. Berlin: De Gruyter, 2010, 440 pp.
- Felman S., Laub D., *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*. New York: Routledge, 1992, 315 pp.
- Hutton P. H., *The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing*. New York: Palgrave Macmillan, 2016, 234 pp.

- Landsberg A., *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. New York: Columbia University Press, 2004, 240 pp.
- Landsberg A., *Engaging the Past: Mass Culture and the Production of Historical Knowledge*. New York: Columbia University Press, 2015, 213 pp.
- Leontyeva O. B., “Memorialnyy povorot” v sovremennoy rossiyskoy istoricheskoy nauke’ [“Memorial Turn” in the Contemporary Russian Historical Studies], *Dialog so vremenem*, 2015, no. 50, pp. 59–96. (In Russian).
- Olick J., Vinitzky-Seroussi V., Levy D. (eds.), *The Collective Memory Reader*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011, 528 pp.
- Oushakine S., ‘Remembering in Public: On the Affective Management to History’, *Ab Imperio*, 2013, vol. 1, pp. 269–302.
- Repina L. P., ‘Istoricheskaya pamyat i natsionalnaya identichnost: podkhody i metody issledovaniya’ [Historical Memory and National Identity: Approaches and Research Methods], *Dialog so vremenem*, 2016, no. 54, pp. 9–15. (In Russian).
- Rostovtsev E. A., Sosnitskiy D. A., ‘Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii’ [Main Areas of Russian Memorial Research], *Bulletin of St Petersburg University*, series 2: *History*, 2014, no. 2, pp. 106–126. (In Russian).
- Safronova Ju. A., ‘Tretya volna memory studies: dvadtsat tri goda protiv shersti’ [The Third Wave of Memory Studies: Going against the Grain for Twenty-Three Years], *Politicheskaya nauka*, 2018, no. 3, pp. 12–27. (In Russian).
- Winter J., *Remembering War: The Great War between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven; London: Yale University Press, 2006, 352 pp.